

Лиан Гиойм: «Нас охраняет любовь» | Lyane Guillaume : «Nous sommes protégés par l'amour »

Auteur: Надежда Сикорская, [Париж-Женева](#) , 05.01.2022.

Французская писательница Лиан Гийом (из личного архива Л. Гийом)

Наша сегодняшняя гостья – французская писательница, пятнадцать лет прожившая на территории нашей бывшей общей страны. Несколько ее романов переведены на русский и украинский языки.

|

Notre invitée d'aujourd'hui est une romancière française qui a vécu dans plusieurs états de notre ex-pays commun. Plusieurs de ses romans sont traduits en russe et en ukrainienne.

Lyane Guillaume : «Nous sommes protégés par l'amour »

Мы не любим светские рауты, предпочитая им застолья, позволяющие участникам вести общий разговор. За одним таким приятным столом, накрытым [Соней Заннеттакси](#) по поводу очередного вернисажа в ее галерее, мы познакомились с парой коллекционеров, которые, выснив наш «провенанс», заявили, что нам совершенно необходимо познакомиться с... Мы отнеслись к этому заявлению спокойно, с долей скепсиса, но уже через несколько дней получили мэйл.

Так состоялось наше знакомство с Лиан Гийом – французской писательницей, преподавателем литературы, театральным деятелем и журналистом, которой в разные годы выпало жить в Афганистане, Индии, Украине, Узбекистане, России... Результат каждой командировки становилась книга, а то и не одна. Два романа посвящены России: действие [«Башни Иванова»](#) (2000 г.) разворачивается в Санкт-Петербурге периода Серебряного века и 1990-х годов, а [«Я, Тамара Карсавина»](#) посвящен выдающейся русской балерине, блиставшей в «Русских балетах». Как вы догадываетесь, тем для разговора оказалось множество...

Начало Вашей карьеры можно назвать неожиданным: после изучения филологии, занятий театром и танцем – Афганистан. Как это произошло? Застали ли Вы советское вторжение?

На самом деле, все просто. У меня был друг (ставший впоследствии моим мужем – мы поженились в Кабуле в 1981 году), который отправлялся в Афганистан с археологической экспедицией. Я поехала за ним и оказалась в Кабуле за три месяца до советского вторжения. Когда все это началось, нам был отдан приказ не выходить за территорию французского посольства. Тем не менее мы совершили вылазку в город, и там я увидела удивительные сцены. Надо сказать, что французам советская армия казалась непобедимой – помните знаменитую фотографию солдата с ножом, зажатым между зубами? И вдруг мы увидели танки с совсем молоденькими солдатами, которые имели довольно туманное представление о том, где находятся. А черный рынок?! Солдаты обменивали свои вещи, часы, а то и автоматы Калашникова на еду. Обо всем этом я рассказываю в своей книге «Мойщица собак» (*Laveuse de chiens*, JC Lattès, 2008). В Афганистане произошла такая история. Главная улица Кабула называлась Chicken Street, там было немало антикварных магазинов. И вот я вижу женщину в советской форме, входящую в один из них. Это меня удивило, и я задержалась, чтобы посмотреть, что будет дальше. Ждала-ждала, но она так и не появилась. Разгадку я нашла лишь годы спустя, когда читала книгу Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо», в которой она рассказывает о женщинах в советской армии – эта женщина торговала собой.

"Башня Иванова" в здании № 35 на Таврической улице Санкт-Петербурга (из личного архива Л. Гиойм)

Ваша дальнейшая жизнь протекала между профессиональной дипломатией и дипломатией культурной, «мягкой силой». Эффективна ли эта сила?

Проработав несколько лет археологом, мой муж стал дипломатом и создал в Дели исследовательский центр, первым руководителем которого он и стал и который существует до сих пор. А я была его женой – писала книги, увлекалась классическим индийским танцем. Я сама не дипломат, но по моему мнению культурная дипломатия, хотя она и менее прямолинейна, может быть более эффективной и иметь более долгосрочные последствия. Приведу один пример. В 2000-2004 годах мой муж работал в Киеве. В это время он создал ежегодный фестиваль культуры «Французская весна», проводимый, как Вы догадались, весной. Я уверена, что этот фестиваль способствовал усилению интереса украинцев к французской культуре, к европейской культуре в целом. И представьте себе, этот фестиваль пережил все политические события, которые нам известны.

В общей сложности Вы прожили на бывшем советском пространстве почти 15 лет: Россия, Украина, Узбекистан, снова Россия. Есть ли что-то, что объединяет весь этот опыт? Выучили ли Вы русский язык?

Действительно, сначала три года в Санкт-Петербурге и два – в Москве. Затем, двадцать лет спустя, еще три года в Москве, а в промежутке были Киев и Узбекистан. Как обобщить весь этот опыт? Наверное, надо начать с огромного интереса, который всегда вызывал у меня этот блок стран бывшего СССР. Интересы и нежности. Как выйти из 70 лет совместной советской жизни? Этот вопрос очень меня интересовал, особенно с точки зрения нас, женщин. И уверяю вас, мое увлечение женской проблематикой началось гораздо раньше, чем это стало модным – еще в 1989 году я опубликовала роман «Jahanağa», об индийской принцессе-мусульманке. Тогда ко мне относились... снисходительно, полагая, что романы о женщинах могут быть интересны только женщинам. Теперь же среди моих читателей практически поровну мужчин и женщин.

Возвращаясь к СССР, в Узбекистане, например, мне интересно было проследить совмещение мусульманских традиций и советского наследия, современности. На Украине я общалась со многими женщинами, чьи родственники пережили немало ужасов. Им посвящена моя книга «Скиталицы – украинские хроники» (*Les errantes - chroniques ukrainiennes*, Le Rocher, 2014 г, перевод на украинский [Blukaltsi](#) , издательство Pulsari, 2019 г. – Н.С.).

Учитывая Ваше собственное образование и интересы, не удивителен Ваш интерес к Серебряному веку российской истории. С чего началось для Вас его открытие?

Когда мы впервые приехали в Санкт-Петербург, я не говорила по-русски – только там я начала учить этот язык. И выучила. Что позволило мне пользоваться источниками на русском, а не только на французском и английском. Интерес к Серебряному веку пришел через балет, которым я всегда увлекалась и интересовалась Русскими сезонами. На стенах студии во Франции, где я занималась, висели портреты Анны Павловой, Сержа Лифаря... Мне было 13 лет, и уже тогда в моей голове танец и Россия соединились. Поэтому, приехав в Санкт-Петербург, я сразу заинтересовалась Дягилевым и вскоре поняла, что он – продукт, так сказать, Серебряного века, начавшегося в этом городе в «Мире искусства». Помимо танца были, конечно, живопись, музыка и литература. Во Франции знают Толстого, Достоевского, иногда Чехова. «Серебряный век» известен гораздо меньше. Когда я оказалась в Петербурге, то и сами россияне заново открывали для себя этот невероятный период в вашей культуре, конец которому положила большевистская революция.

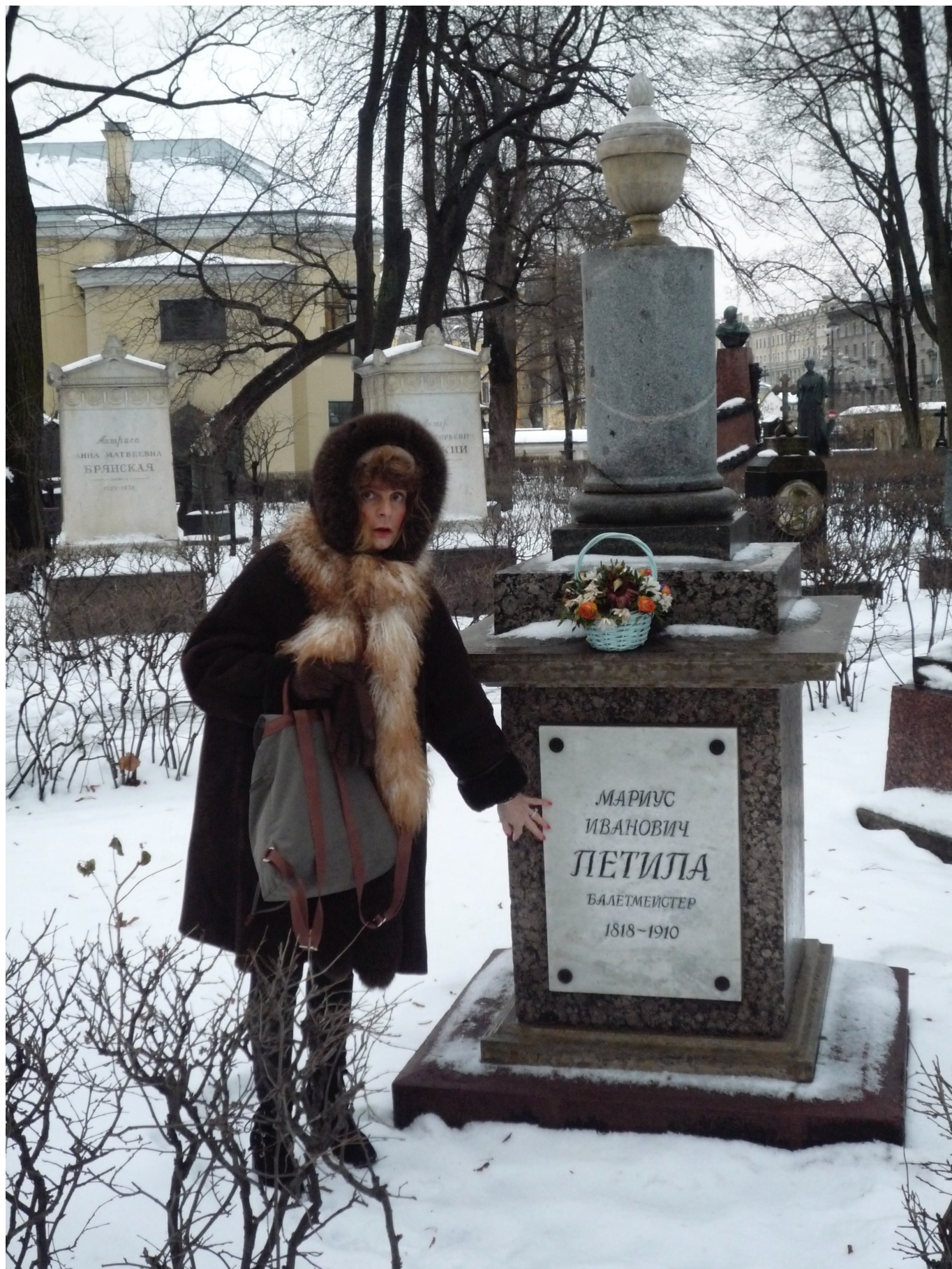
Кабаре "Бродячая собака" на Итальянской улице Санкт-Петербурга (DR)

Именно этому периоду посвящены обе «русские» Ваши книги - «Башня Иванова» (2000) и «Я, Тамара Карсавина» (2021), жанр которых Вы определяете как «документальный вымысел, основанный на исторической и социологической информации». Какова пропорция правды и вымысла?

Это захватывающая тема! Прежде всего, я стараюсь объединить всю информацию на интересующий меня сюжет, какую только могу найти. Конечно, мне очень повезло в том смысле, что я физически находилась в Санкт-Петербурге, могла посещать описываемые места, могла говорить с людьми, хранящими память о том времени. Я даже встретила с внучкой бывших владельцев «Башни Иванова», это дама еще говорила немного по-французски, а во время нашей беседы она заплакала. То есть я могла в буквальном смысле прикоснуться к Истории, и в этом было мое преимущество писателя-резидента по сравнению с заезжим писателем. Я погрузилась во всю ту жизнь. Многие мои русские друзья признавались позже, что плакали, читая «Башню Иванова» – это ли не высшая награда для меня?! Так что, достаточно долго пробыв в России, я писала и на основе достоверной информации, и ведомая собственной интуицией.

В обеих книгах Вы прибегаете к одному и тому же приему - форме дневника. Почему?

Я сама веду дневник с 1983 года, исписала уже 80 тетрадей. Мне кажется, что вести дневник для писателя – это как для пианиста играть гаммы, обязательное ежедневное упражнение. Форма дневника позволяет как бы проникнуть в голову персонажа и дать волю собственному воображению.

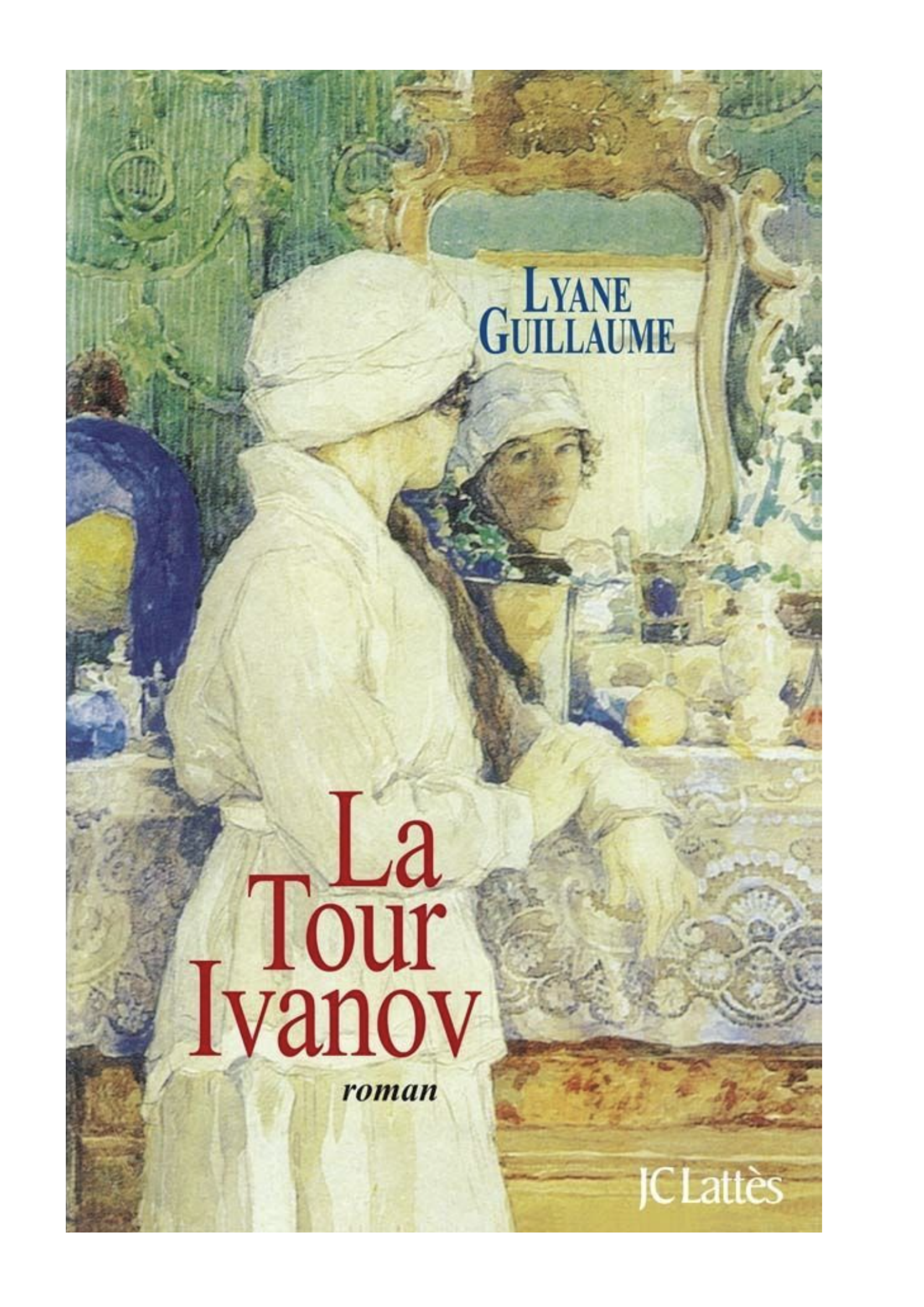

На могиле Мариуса Петипа в Санкт-Петербурге (из личного архива Л. Гийом)
Анастасия Далматова в «Башне Иванова» - вымышленный персонаж, собирательный образ молодой русской женщины, попавшей в водоворот революции. Но Тамара Карсавина - реальный человек, оставивший к тому же

собственные воспоминания. Почему потребовалось «дописать» за нее, да еще скопировав название с автобиографии другой выдающейся русской балерины – Майи Плисецкой?

Конечно, я читала автобиографию Майи Плисецкой. И, признаюсь, хотела назвать мою книгу о Тамаре Карсавиной «Сказочная жизнь», но мой издатель не согласился, сказав, что это будет выглядеть, как книга для глупеньких девиц. Поэтому, действительно, я эхом отозвалась на книгу Плисецкой, выбрав «Я, Тамара Карсавина», к тому же издатель добавил подзаголовок «Жизнь и судьба звезды Русских балетов» – очевидная отсылка к книге Василия Гроссмана.

Но, правда, почему такая смелость с моей стороны – писать дневник от имени реально существовавшего человека? Дело в том, что после отъезда из России Тамару Карсавину ждала еще долгая жизнь в Европе. Изданные же ею в 1930 году мемуары «Театральная улица» прерываются уже в 1918 году, да и рассказывает она в них не все, в чем сама призналась много лет спустя одному балетному критику. Почему эти умалчивания? Во-первых, чтобы не подвергать опасности живших в СССР знакомых, во-вторых – из деликатности (уход от первого мужа, сентиментальная жизнь, нежеланная беременность). Я знаю, что позже она хотела написать продолжение, но предложенные несколько глав были отвергнуты издателями. Отсюда и возникло мое желание дополнить, объяснить. Таким образом книгой «Я, Тамара Карсавина» я как бы исполнила желание самой балерины, и сделала это с глубочайшим уважением к ней, с сохранением ее стиля, ее манеры писать. Для того, чтобы написать эту книгу, надо было владеть русским и английским языками (например, книга второго мужа Карсавиной Генри Брюса «Тридцать дюжин лун» не переведена на французский), надо было хорошо знать Россию, Питер, мир балета, причем не только с точки зрения техники, а также иметь познания в области литературы и философии. Я могла бы написать о знаменитой Анне Павловой, о которой уже все известно, но предпочла воздать должное великой балерине и настоящей гранд-даме, не менее известной в свое время, чем Павлова, но немного подзабытой. Кстати, Тамара появляется и в «Башне Иванова» в связи со знаменитым литературным кабаре «Бродячая собака», где она выступала в 1914 году. Для описания этого эпизода мне пришлось не только изучить массу документальной литературы, но и попытаться, так сказать, «влезть в кожу» Карсавиной.

LYANE
GUILLAUME

La Tour Ivanov

roman

JC Lattès

Обе книги - очень женские, и между ними много общего, хотя судьбы героинь сложились с точностью до наоборот. Считаете ли Вы, что выбор мужа в какой-то мере определяет жизнь женщины? И как могла такая романтическая, нежная натура, как Анастасия, выйти за такого мужлана, как Вадим Батюк - приспособленца и доносчика, по вине которой погибли ее родители?

Вот еще одна большая тема! Отвечая на первый Ваш вопрос, скажу так: сейчас, наверное, нет, но раньше – безусловно да. А вот причина, по которой Анастасия увлеклась Вадимой, остается неизменной: притяжение противоположностей. Плюс изначально он же был талантливым человеком, но, как и многие другие творцы его поколения, сделал выбор в пользу новой власти. Возьмите талантливейшего художника Исаака Бродского, чьи картина «Зеркало» украшает обложку моей «Башни Иванова». Он ведь тоже после революции взялся писать портреты Ленина и создал несколько прекрасных.

Ваши книги рассчитаны прежде всего на франкоязычных читателей, чем можно объяснить их определенную дидактичность, разъяснение вещей, которые русским разъяснять не надо...

Вы совершенно правы, но это необходимо, поскольку большинство французов не имеют никакого представления об описываемых мною событиях. «Башня Иванова» многих удивила, я получила множество откликов. Но при этом книга понравилась и русским, которые тоже узнавали для себя что-то новое. Кстати, «Башня Иванова» уже переведена на русский, а следующей осенью выйдет и перевод книги «Я, Тамара Карсавина», в издательстве ЭКСМО-АСТ.

Ваше филологическое образование дает о себе знать. Мне очень интересно было читать Ваши описания происхождения таких прочно вошедших в русский язык слов, как шантрапа, шарманка, рандеву, тротуар, о французских блюдах по-русски. Вы специально занимались этим вопросом?

Специально не занималась, но русский язык заимствовал много французских слов, и мне было интересно и приятно их «открывать», изучая русский. Что касается кухни, то я очень много узнала о манере советских людей питаться. Очень развлекло меня, например, использование майонеза при запекании блюд в духовке. В «Скиталицах», в частности, есть размышления о сладком и о знаменитом «Киевском торте». Кстати, я и сама изобрела торт и назвала его «Карсавина» - в честь моей героине и в противовес знаменитому десерту «Павлова».

Торт "Карсавина" - творение Лиан Гийом

В какой-то момент Вы называете Керенского «Горбачевым революции». Неожиданное сравнение. Не могли бы Вы его пояснить?

Это сравнение принадлежит моему персонажу Люку Вердону, молодому сотруднику французского банка, оказавшемуся в Питере в 1995 году. Его восприятие может показаться упрощенным, но оно свойственно многим французам. Во Франции Горбачева ценят гораздо больше, чем в России. Почему Люк делает так сравнение? Потому ли, что Горбачев тоже недолго оставался у власти, или потому, что был более умеренным в своих политических взглядах, чем его предшественники и последователи? Не знаю, ведь в какой-то момент персонажи начинают жить собственной жизнью и формировать собственные мнения. Однако присутствие Люка Вердона в книге важно, ведь через него мы получаем как бы снимок России середины 1990-х, который позволяет сравнить его с портретом, написанным Анастасией в начале 20 века, до и вскоре после революции. Понятно, что впечатление Люка – это и мои впечатления. Я тоже видела бронированные автомобили новых русских с выпархивающими из них неземными созданиями, но, когда я вернулась двадцать лет спустя, все это практически исчезло, как исчезли коммунальные квартиры. В то время, когда я была в России, здание, где находилась «башня Иванова», еще было в руках мафии. Я очень надеюсь, что когда-нибудь в нем откроется музей Серебряного века, ведь сколько великих его представителей там перебивало! Чего стоит одна постановка Мейерхольдом пьесы Кальдерона в квартире Ивановых в 1910 году, которую я подробно описываю в книге – ведь это было зарождением современного театра.

Вы очень ярко и трогательно, с огромной симпатией и сочувствием описываете страшные голодные годы в России и потуги людей круга Анастасии сохранять человеческое достоинство. Например, осознанную необходимость накрывать на стол по всем правилам искусства, даже когда есть нечего, чтобы заглушить в себе зверя... Такая потребность возникает во все времена. Что нужно, чтобы оставаться Человеком?

Ох, какой вопрос... Я ведь просто маленькая француженка, привилегированная с рождения... Знаете, когда после всех этих путешествий я вернулась во Францию, то она показалась мне страной избалованных детей. Я не знаю, как ответить на Ваш вопрос, но восхищаюсь людьми, которые на это способны. Которые способны в любых, даже в самых страшных обстоятельствах держать себя в руках, сохранять человечество достоинство, продолжать быть, а не казаться.

Лиан Гийом на фоне картины Савелия Сорины "Тамара Карсавина в балете "Сельфиды"", 1910 г. (Из личного архива Л. Гийом)

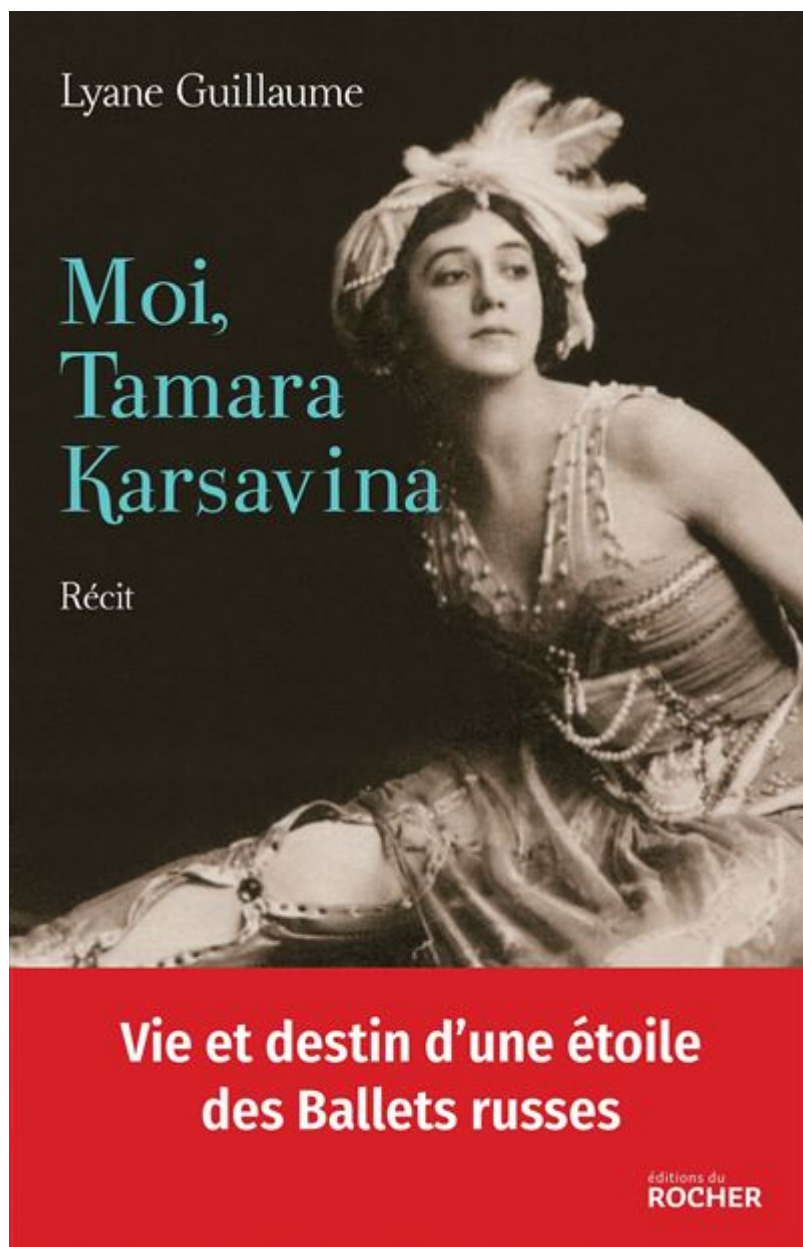
Есть известное выражение «все мы родом из детства». Согласны ли Вы, что полученное в детстве воспитание, моральные ценности определяют нашу

дальнейшую жизнь? По словам Анастасии, объяснить «это» полученное невозможно. Так ли это? И неужели обречены те, кому не повезло родиться привилегированными?

Вы задаете очень важный вопрос. Разумеется, заученных в детстве хороших манер недостаточно, чтобы всю жизнь быть порядочным человеком. Мне кажется, что то главное, что охраняет нас, – это полученная в детстве любовь. Я знаю людей очень простого социального происхождения, выросших в любви, питавшей их на протяжении всей жизни и сделавших их в свою очередь восприимчивыми ко всем проявлениям любви.

Рассказывая о своем печальном опыте после возвращения в Советский Союз, Ваша героиня Анастасия Далматова говорит, что ее спасли стихи. И таких свидетельств людей, прошедших лагеря, тюрьмы, ссылки, очень много. Способна ли поэзия спасти каждого или нужно все же иметь предрасположенность к такому спасению?

Действительно, в жизни русских людей литература играет особую роль, и это одна из причин их привлекательности для меня. Что касается Вашего вопроса, снова очень интересного, то я немного касаюсь его в книге о Тамаре Карсавиной, когда говорю о ее брате – поэте и философе Льве Карсавине [приговоренном в 1950 году к десяти годам исправительно-трудовых лагерей и скончавшемся от туберкулеза два года спустя – Н. С.]. Я очень много читала на эту тему, говорила с очень многими людьми и пришла к выводу, что в лагерях лучше выживали не физически здоровые, спортивные бугаи – их система довольно быстро ломала. Выживали интеллектуалы, то есть те, кто умел сосредоточиться на внутренней жизни – через книги, стихи, размышления, развивая таким образом внутреннюю силу сопротивления.

Тамаре Карсавиной приписывают высказывание «Россия - дикая страна большой культуры и поразительного невежества». Разделяете ли Вы такое мнение?

В ее утверждении есть доля истины. Действительно, это огромная страна с населением, большую часть которого до сравнительно недавнего времени составляли невежественные крестьяне. Но при этом в обеих столицах – Санкт-Петербурге и Москве – процветала невероятно образованная, утонченная элита, которая мало соприкасалась с этой массой. Удивительным образом это чувствуется в «Русских балетах» Дягилева, где соединены дикарство (как в «Половецких танцах») и крайняя степень утонченности. Я уже сталкивалась с чем-то подобным, когда писала о Великих Моголах – династии мусульманских правителей в течение трех веков: невероятно жестокое общество с невероятно развитой культурой. Не желая защищать советский строй, я все же не могу не сказать, что он дал массовое образование – все умели читать и писать, все дети учили стихи, практически у всех была крыша над головой.

Что же касается современной России, то, когда я жила там в середине 1990-х, все было в руках мафии. Вернувшись через двадцать лет, я увидела совсем другую

страну, увидела красивую, динамичную, безопасную Москву. Увидела переполненные театры, веселых молодых людей, хорошо одетых играющих детей. Контраст был разительный. Homo sovieticus уступил место российскому гражданину. Однако все позитивные изменения, которые я наблюдала в 2018 году, не означают, что я поддерживаю то, во что превратился режим президента Путина в последние годы. И все же, несмотря на сегодняшнее политическое напряжение между нашими странами, взаимный интерес россиян и французов продолжает существовать, настолько прочно переплетены наши истории и культуры.

[отношения сша и швейцарии](#)

Статьи по теме

[Михаил Шишкин: «Только мерой стыда измеряется любовь к родине»](#)

[Гузель Яхина и ее «Дети»](#)

[Сильвен Тессон: «Я люблю парадоксальных русских»](#)

[Фредерик Пажак: «Служить изначальному слову»](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/lian-gioym-nas-ohranyaet-lyubov>